

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ
БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ДЕСНИНСКИЕ ДРЕВНОСТИ

(выпуск VII)

Материалы межгосударственной научной
конференции
«История и археология Подесенья»,
посвящённой памяти
брянского археолога и краеведа,
Заслуженного работника культуры РСФСР
ФЁДОРА МИХАЙЛОВИЧА ЗАВЕРНЯЕВА
(28.II.1919 – 18.VI.1994)

ББК 63.4 (2)
Д-37

Редакционная коллегия:
**В. И. АЛЕКСЕЕВ, В. В. КРАШЕНИННИКОВ,
О. Р. ВЯЗЬМИТИН**

Деснинские древности-VII:
Материалы межгосударственной научной конференции,
посвящённой памяти Ф.М.Заверняева. —
Брянск: Группа компаний «Десяточка», 2012. — 556 с.

ISBN 978-5-91877-098-6

© Брянский государственный краеведческий музей, 2012

Примечания

- ¹ Величко А. А., Морозова Т. Д. Брянская ископаемая почва, ее стратиграфическое значение и природные условия формирования. // Лессы, погребенные почвы и криогенные явления на Русской равнине, М; Наука, 1972. С. 71–114.
- ² Величко А. А., Морозова Т. Д. Микулинская ископаемая почва, ее особенности и стратиграфическое значение // Антропоген Русской равнины и его стратиграфические компоненты. – М: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 101–145.
- ³ Гаврилов К. Н. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво 2. М.: Таус, 2008. – 256 с.
- ⁴ Гаврилов К. Н., Воскресенская Е. В. Новый комплекс верхнепалеолитической стоянки Хотылёво 2: пространственная структура и стратиграфия культурного слоя. // КСИА, 2012, вып. 227. – С. 70–82.
- ⁵ Бузова Н. Д., Машенко Е. П. Зооархеологические исследования. Исследования палеолита в Зарайске (1999–2005). Отв. редактор Амиханов Х. А. Москва: Палеограф, 2009. С. 402–437. Машенко Е. П. Интерпретация археозоологических данных Зарайской стоянки в связи с биологией шерстистого мамонта (*Mammuthus primigenius* (Blumenbach, 1799)). Исследования палеолита в Зарайске (1999–2005). Отв. редактор Амиханов Х. А. Москва: Палеограф, 2009. С. 375–401.

О.А.Макушиков (Гомель)

НА ОСТРИЕ УДАРА ПО «ПЛЕМЕННОМУ» СЕПАРАТИЗМУ: МОХОВСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

В историко-археологической науке утвердилось понятие «открытые торгово-ремесленные поселения» (ОТРП) Руси, к числу которых относят Ладогу, Гнездово, Тимерево, Шестовицу, Левенку и ряд иных памятников VIII (IX) – XI вв.¹ С 2003 г. аналог известным ОТРП исследуется экспедицией Гомельского государственного университета им. Ф.Скорины на юго-востоке Беларуси у д. Мохов Лоевского р-на Гомельской обл.² Древности расположены к северу от исторического центра Лоева на правом берегу Днепра. В 1890 г. В.З. Завитневич зафиксировал здесь свыше 600 курганов, т. е. открыл остатки крупнейшего в Беларуси курганного могильника.

Раскопки 26-ти насыпей выявили необычную для региона картину.³ В девяти курганах были представлены кремации, в остальных – ингумации на горизонте (15) и в яме (1), ориентированные на запад. Ямное трупоположение ориентировано на север. Встречены керамика, железные ножи, ножницы, стеклянные бусы, бронзовые пряжки, браслет, поясные кольца, подвески, перстни, спиральки, шейные гривны, бубенчики и др. В 4-х курганах открыты предметы вооружения (топоры и копье). В 3-х курганах с трупоположением на горизонте выявлены остатки деревянных наземных гробниц столбовой конструкции прямоугольной формы. Одна из них описана В. З. Завитневым как сооружение размером 3,38×2,83 м и высотой 0,8 м, имевшее признаки бревенчатой крыши. Каменные гробницы, как углубленные в материк, так и наземные (в «теле» курганов; последние в ранней историографии именуются «склепами») признаны элементом «дружинной культуры» Руси X–XI вв. Они широко известны по материалам Гнездово, Шестовицы, Киевского некрополя, памятников Брянского Поддесня и др. Собственно «склепы» характерны для Вольки, где по ранним данным открыто 10 таких погребений в восьми могильниках. Сооружения такого рода известны в Гнездово, Курском Посеймье, Гочево.⁴ Традиция имеет скандинавское происхождение.

Сейчас в Мохове фиксируется свыше 300 насыпей. В 2003–2007 гг. исследовано 25 курганов X–XI вв. Большинство комплексов относится ко второй половине X – первой половине XI вв. Материал демонстрирует разнообразие погребального обряда (ингумации на горизонте и на подсыпке – 21, ингумации в яме – 2, кремации – 8, неполная кремация – 1). Кроме западной ориентировки умерших (15), отмечена северо-западная (4), юго-западная (1), восточная (1), северная (1) и южная (1). В кургане с неполной кремацией костяк ориентирован на запад. В случаях северной и южной ориентировки костяков могут иметь место захоронения выходцев из финно-угорских областей. Еще Л. Пидерле показал, что северная ориентировка умерших присуща финскому ритуалу. Меридиональный обряд характерен для средневековых эстов, суми, ижоры, корелы, ливов, веси, мордвы, мари, прикамских финно-угров.³ На территории радимичей погребения с такой ориентировкой приурочены к её окраинам и единичны (Радомля, Влазовичи, Косюковичи, Ботвиновка Гомельской обл., Смяличи). В земле дреговичей меридиональные захоронения редкие и обычно открываются в зоне дреговичско-кривичского пограничья (Черниковщина, Заславль, Видогощ, Свидино, Любоничи, Волосовичи, Гориводы, Макаричи).⁶

Погребение 1 в кургане 105 Мохова необычно «разбросанным» состоянием костей. Это может говорить о т. н. «сидячем» захоронении. Такие погребения характерны для Северной Руси. Максимальная их концентрация наблюдается на Ижорском плато. Вне его сидячие погребения единичны.⁷ В.В. Седов считал этот обряд типично финским, а захоронения такого рода в коренных славянских землях объяснял как результат миграций северного населения на юг.⁸ На землях радимичей и дреговичей такие погребения редки. Они выявлены в ДЕРЕБУЖЕ, Новом Быхове, Песклино, Чешуйках, Старгороде, Эсьмонах, Борисове, Леневке, Буховке, Чуфарах.⁹ В южнорусских землях на многие сотни славянских комплексов отмечено только 12 случаев сидячих захоронений. Севернорусские сидячие захоронения датируются XII–XIII вв.¹⁰ По данному обряду широко распространен в более раннее время в Скандинавии. Хронология моховского погребения с сидячим погребением (не позднее первой половины XI в.) также позволяет предполагать его скандинавские истоки. «Неместные» черты прослеживаются и в иных элементах обрядности Мохова. Необычным для пизовий Верхнего Днепра выглядит использование камней для обустройства могил в 5-ти курганах, причём в одном из них отмечен участок каменной выкладки, а в другом – камни образуют в плане квадрат размерами 4×4 м.

В Мохове представлены типично восточнославянские круговые горшки, большая часть которых относится к «шестовицкому» типу, характерному для ряда памятников Руси X – начала XI вв. Широко присутствует и «общерусская» керамика XI в. Шестовицкая керамика охарактеризована Д. И. Блительдом и учтена М. П. Кучерой в классификации древнерусской посуды Среднего Поднепровья.¹¹

Этнокультурный состав населения Мохова был пёстрым. Захоронения демонстрируют распространение предметов кривичского, балтского, финского происхождения. Эта картина наблюдается на фоне отсутствия этноопределяющих украшений местного населения.¹² Отсутствие элементов местного убора тем более примечательно, что дреговичское захоронение XI–XII вв. выявлено в 6 км восточнее Мохова в кургане у д. Абакумы (раскопки автора) и в 18–20 км к северу от Мохова в могильнике Холмечь-Заужельская группа (раскопки В. З. Завитневича 1890 г.).¹³ Могильник с находками семилучевых колец – Студеная Гута – расположен в 20 км северо-восточнее Мохова (раскопки М. М. Филонова 1890 г. и Е. Р. Романова 1897 г.).¹⁴

Набор женских украшений из моховского кургана 77 (кремация) включает крупные трапециевидные подвески, литые петлевидные трёхдырчатые держатели, «ромбовидные» подвески, проволоочные спиральки и плетеные застёжки. Он имеет ближайшие аналогии в кривичских курганах конца I тыс. н. э., которые выделены рядом исследователей в культуру смоленско-полоцких длинных курганов и широко представлены в прибалтийских древностях конца I тыс. н. э.¹⁵ Изготовление «ромбовидных» подвесок в Гнездово представляется установленным фактом.¹⁶ В кургане 14 с кремацией могильника Вышадки в Витебской обл., исследованном Г. В. Штыховым (датирован автором раскопок IX – началом X вв.), обнаружен комплекс украшений, аналогичный комплексу моховского кургана 77.¹⁷ Набор украшений из Вышадок демонстрирует особенности раннего кривичского женского костюма, имеющего балтские прототипы. Сходство находок из Мохова и Вышадок, разделённых многими сотнями километров, поразительно. В. В. Гнуков и Г. В. Штыхов обратили внимание на трёхдырчатые держатели, прообразом которых могли быть проволоочные бисеровидные держатели, широко распространённые у латгалов и неоднократно найденные в курганах с сожжением запада и севера Беларуси, а также на городище Язно.¹⁸ Литые держатели с тремя отверстиями найдены на Мисском поселении у Минска.¹⁹ Такие подвески известны в Гнездово, где и производились.²⁰ На городище Городок возле Великих Лук найдены формы для отливки держателей, аналогичных

найденным в Устье, Вышадках, Мелеском поселении²¹ и в Мохове. Таким образом, изделия такого рода создавались на славянских землях, хотя их прототипы (проволочные держатели), скорее всего, имеют балтское происхождение. В слое первой половины X в. на Рюриковом городище под Новгородом выявлен ещё один трёхдырчатый литой держатель. Он, как и его аналог из городища Олинькалнс в Латвии, несколько отличается от описанных выше и являет собой более развитую форму изделий. К этой же группе примыкает находка из длинного кургана (сожжение) в Заозерье на Смоленщине.²² Находки из Рюрикова Городища, Олинькалнс, Заозерья сближают раннюю форму держателей (типа Гнездово, Вышадок и др.) с позднейшими трёхдырчатыми подвесками (важно подчеркнуть – «не-держателями») из более поздних радимичских древностей (второй половины X – первой половины XII вв.).

«Северные» элементы культуры Мохова представлены кривичскими завязанными проволочными браслетообразными височными кольцами (11 экз. в трёх захоронениях), большим количеством проволочных спиралек (в трёх захоронениях), остатками женской накидки вишайне, расшитой бисером. Последняя находка имеет аналогии в восточноприбалтийском материале и может быть связана с латгальско-земгальским кругом древностей.²³ К предметам, распространённым в Северо-Восточной Европе (Швеция, Финляндия), Восточной Прибалтике, областях северо-запада России, относятся аналогии перстню с завязанными концами. Такие перстни встречаются и в Беларуси, но их немного. Точно идентифицировать места находок и количество в радимичских древностях по публикациям сложно. В.В. Богомольников отмечал (мы исключаем из приведённого им списка Кветунь и Мериновку – памятники не радимичские) находки пластинчатых широкосрединных завязанных перстней из 10 курганных могильников радимичей.²⁴ При уничтожении ряда Моховских курганов в 1970–80-х гг. были найдены горшки с костями, перетянутые железными кручеными обручами. По-видимому, были разрушены погребения скандинавской традиции. Урны, перетянутые гривнами, известны в Гнездово. Такое погребение зафиксировано Л. В. Дучиц в Укле у Браслава.²⁵

В Мохове отчётливо прослеживается военизированный компонент в составе населения. В материалах раскопок экскедиции под руководством автора представлены оружие и воинские принадлежности (железные топоры, наконечники копий, обломок сулицы, металлические детали воинских поясов и др.). По сведениям местных жителей, при уничтожении курганов в 1970–80-х гг. находили и клинковое оружие. В могильниках радимичей и дреговичей предметы вооружения и воинского снаряжения

встречаются исключительно редко. Большинство находок сосредоточено на «племенных» пограничьях, и отнесение многих комплексов с оружием к радимичам и дреговичам спорное.

В Мохове встречена серия редких находок. Это – ведро с железными обручами, остатки коромысла карманных весов, металлические «шишечные» бусы и др. Вёдра редко встречаются в могилах славян X–XII вв. Анализ находок на Беларуси привёл Л. В. Дучиц к выводу о том, что почти все вёдра «найжены в богатых погребениях XI в.».²⁶ Интересны «шишечные» бусы Мохова. Они пустотелые, изготовлены из металлического листа, украшены зернью, снабжены выступами-пишками. Ближайшие аналогии дают погребения Киева X–XI вв.²⁷ Они известны в кладах Древней Руси²⁸, в Прибалтике и Скандинавии, на широкой территории Центральной и Западной Европы. В частности, они открыты на грунтовом могильнике Данилово Малое в Польше, где отнесены к XI в., и на поселении Люблин-Чехов в комплексе VIII–IX вв.²⁹ Необычным для Гомельского Поднепровья представляется обнаружение в трёх моховских ингумациях монет. В кургане 1 при костяке найден денарий с бронзовым ушком. Он принадлежит чеканке чешского короля Болеслава II 972/3 – 999 гг. В кургане 24 в мужском погребении открыты 2 обломка сребреников Владимира Святославича, которые представляют II и IV тип его монетных эмиссий. В Беларуси было известно два места находок сребреников Владимира (типов I и III). В кургане 105 выявлены остатки браakteата.³⁰

При определении хронологии Моховских курганов важно заметить, что в них отсутствуют предметы, вошедшие в обиход после середины XI в. и вышедшие из обихода в IX в. Рассмотрим материал кремаций. Ранним представляется курган 77. Указанные выше аналогии держателям, подвескам, спиралькам датируются VIII – первой половиной X в., хотя большинство комплексов с изделиями такого круга относят к IX – началу X вв. Учитывая, что в кургане 77 встречен типичный для шестовицкой керамики круговой сосуд, дату комплекса следует определить первой половиной X или концом IX – первой половиной X вв. Курганы с ингумацией дают более поздние вещи. Денарий и сребреники указывают, что содержащие их комплексы не могли сформироваться ранее конца X в. в первом случае и второго десятилетия XI в. во втором. Топор из кургана 24 относится к типу IV по классификации А. Н. Кирпичникова, который имел широкое распространение на землях Древней Руси в X–XII вв., а копьё из кургана 19 с пером ромбической формы относится к редкому типу II (также по А. Н. Кирпичникову) и датируется IX – началом XI

вв.³¹ Найдено калачевидное кресало, аналоги которому в Новгороде Великом датируются X – третьей четвертью XII вв. В могильнике Заславля под Минском такие кресала найдены в погребениях X – начала XI вв.³² Грушевидные крестопрорезные бубенчики из Мохова по новгородским аналогиям датируются серединой X – XI вв.³³ Моховский пластинчатый завязанный перстень имеет широкий круг соответствий в Древней Руси и за её пределами. В Новгороде Великом такие перстни выявлены в ярусах XI в., но появляются ещё в конце X в.³⁴ Бусы Моховского могильника продолжают исследоваться. Факт присутствия в коллекции стеклянных лимонных, жёлтых и синих лимонovidных, крупных бочкообразных и цилиндрических золотостекляных, синих пронизок, мозаичных и инкрустированных бус указывает в основном на X – XI вв. Можно констатировать, что Моховский могильник функционировал в конце IX – XI вв., причём большинство его захоронений было совершено во второй половине X – первой половине XI вв. Это, конечно, не означает, что дальнейшие полевые работы на памятнике не выявят как более поздние, так и более ранние погребения.

К Моховским курганам примыкает крупное поселение. Расцвет его жизни – вторая половина X – XI вв. Оно расположено на «высокой» пойме правого берега Днепра, а также на мысовых площадках коренной террасы. Площадь памятника в X–XI вв. составляла не менее 25 га. Объекты X–XI вв. представлены остатками гончарного горна и углубленных в материк сооружений. Вещевой материал – круговая керамика (преимущественно второй половины X–XI вв.), единичные обломки плинфы (жёлтой и красноватой), железная шпора XII–XIII вв. и др. Керамика XII–XIII вв. встречается не на всех участках поселения и численно резко уступает более ранней. Технологический анализ плинфы, керамики X–XI вв., а также сырой глины из естественного обнажения на южной окраине Моховского комплекса показал их идентичный минералогический состав. Следовательно, в Мокове существовало гончарное производство на основе местных глин, а также производство кирпича – «плинфотворение». Дальнейшие исследования должны пояснить, куда поступала выжженная в Мокове плинфа: для строительства в ближайшие города или для сооружения собственного храма?

Часть поселения являлась городищем (ур. Причелок, Дед-Курган). Из-за многолетней распашки следы укреплений выявить сложно, тем более, что перспективные для поиска участки используются под пашню. На городище может указывать расположение части памятника на высоких отрогах коренной террасы, имеющей следы эскарпирования. Остатки

городища имеют размеры 150×150–200 м. В обнажениях зафиксирован слой мощностью 0,4–0,5 м, который содержит преимущественно фрагменты круговой керамики X–XI вв. (редко попадается керамика XII–XIII вв.). С южной стороны Причелка прослеживаются остатки двух–трёх дугообразных в плане вихолмлений, отделяющих мыс от поля. Это остатки распаханных оборонительных валов.

Особенности Моховского комплекса заставляют выделять его из массива селищ и могильников радимичско-дреговичского пограничья. Мы имеем дело не только с крупнейшим поселением периода Руси на землях Верхнего Поднепровья, но и с достаточно ранним.

Иноэтничность (по отношению к дреговичам и радимичам) и разнотипный (кривичи, балты, финно-угры, возможно, потомки выходцев из Скандинавии) состав моховского населения, его социально обособленный и вооружённый характер, крупные размеры памятника – всё это позволяет предполагать, что в X–XI вв. на берегу Днепра близ устья Сожа размещалось обширное поселение, значительную часть жителей которого составляли воины и члены их семей. Следует отбросить мысль о том, что Мохов в это время контролировали отряды «бродячих» викингов или ватаги «ушкунников». В условиях древнерусской действительности второй половины X – первой половины XI вв. (время активной жизни Моховского поселения), когда исторической реальностью стала мощная феодальная держава, расположение на северных подступах к Киеву неподвластного им многолюдного военного лагеря представляется сомнительным. Только великие киевские князья могли быть инициаторами создания и гарантами последующей жизнедеятельности столь крупного поселения. Вопрос в том, с какой целью оно создавалось и почему оно было основано именно в этой местности? Мохов активно функционировал как во времена Владимира Святославича, так и в период противостояния братьев Ярослав и Мстислава Владимировичей, которые временно расчленили Русь согласно Городецкому соглашению 1026 г.³⁵ Однако первые погребения на Моховском могильнике появились значительно раньше. Так, курган 77 мог быть насыпан во времена Игоря и даже Олега Вещего. Проблему возникновения Моховского комплекса следует искать вне плоскости только внутрирусских межкняжеских проблем.

С географической точки зрения Мохов находится удобно – при устье Сожа, на берегу озера, которое могло служить гаванью. Причина возникновения здесь крупного военизированного поселения должна лежать в сферах военно-политической и социально-экономической. Если говорить о первой, то таковой могла быть необходимость для Киева подчинения

дрстовичей (дата их «первого» – на условиях данничества – вхождения в состав Киевской Руси, судя по сообщению К. Багрянородного, должна быть определена временем не позднее середины X в.) и радимичей (последний киевский поход на них, сокрушивший местный сепаратизм, завершился битвой 984 г.). Мохов был крупным военным лагерем на днепровском отрезке пути «Большого полюдья», который поэтапно создавался и укреплялся Киевом в X – первой половине XI вв. (возможно, и в конце IX в.). Е.А. Шинаков образно отметил, что к 984 г. земля радимичей «оказалась окружённой как стальными клещами опорными пунктами русов», при покорении радимичей «русские применяли приём стратегического окружения их территории, как обычно поступали и с другими племенными союзами и княжествами». Затем они напали на противника из нескольких военных лагерей (из Гнездово под Смоленском, Шестовицы под Черниговом и Левски под Стародубом).³⁶ Материалы Мохова могут указывать и на юго-западное направление нашествия подобных ударов. Понятно присутствие в Мохове воинов-кривичей, прочих выходцев из иных территорий. Именно они, не связанные с местной этнической средой, могли выступать инструментом подчинения Киеву аборигенного населения. Именно «северные» воины были основным населением военных лагерей Руси второй половины X – первой половины XI вв. и в Брянском Подесенье (скандинавы, славяне, балты, финны).³⁷ Обычай Владимира Святославича использовать их отряды для решения военно-политических проблем хорошо известен.

В X в. для Руси реальной внешней угрозой стала угроза печенежская. Пик их агрессивности приходится на вторую половину X – начало XI вв. Владимир вынужден принять меры по усилению обороноспособности. В конце 980-х гг. он предпринимает грандиозные работы по возведению южнорусской оборонительной линии. Владимир в 988 г. переселил в зону строительства крепостей из подвластных ему земель «лучших мужей». Среди «нарубленных» воинов-строителей находим кривичей, словен, вятичей, фишов.³⁸

Летописец, описывая действия Владимира Святославича по укреплению границ, обозначил только основные направления его военно-строительной политики на юге Руси. Полностью перекрыть границу огромной державы цепью крепостей и «Змиевых вдов» было невозможно. Учитывая тактику и стратегию кочевнических набегов, порубежные районы русичам приходилось защищать способом «эшелонированной обороны». Отряды степняков обходили пограничные крепости и уже в глубоком тылу киеворусских владений творили разбой. Так, в 997 г. (уже

спустя годы после начала создания южнорусской оборонительной линии) печенег, обойдя южнорусские заставы, стремительно подошли к Белгороду Киевскому (расположенному совсем рядом с Киевом) и взяли его в осаду.³⁹ В условиях ожесточённой борьбы за киевский престол братьев Святополка и Ярослава, первый не раз призывал печенегов на Русь. Но оба раза степняки были разгромлены (в 1016 и 1019 гг.) у Переяславля и, что примечательно, у Любеча, который находится рядом с Моховом.⁴⁰

Географическое положение Мохова, присутствие в его составе «северных» воинов в конце X – начале XI вв. соответствуют исторической ситуации, описанной летописцем. В условиях кочевнической опасности для Руси требовалось постоянное поддержание обороноспособности даже удаленных от её южного рубежа городов и военных лагерей. К числу последних мог относиться и Мохов, который «запирал» Гомельское Поднепровье с юга. В 9-10 км к югу от Мохова, под стенами Лосевского замчища, находится известный в позднем средневековье «Татарский брод» – мелководный участок русла Днепра. В XVI в. он неоднократно использовался в качестве переправы перекопскими татарами, которые постоянно вторгались в пределы Великого княжества Литовского.⁴¹ По всей видимости, это направление для нападения на восточнославянские земли было издавна известно степнякам. Этой «насажденной» дорогой стремились пройти и предшественники татар – печенег, торки, половцы. Разноплеменное войско, объединенное киевскими правителями в Мохове, было призвано исключать просачивание отрядов кочевников в глубинные районы Поднепровья.

Родина оказавшихся в Мохове воинов-кривичей – Смоленщина или Полотчина. Полочане могли быть наняты или выведены («нарублены») Владимиром Святославичем после разгрома княжества Рогволода в начале 980-х гг. В конце X – первых десятилетиях XI вв. в Мохове начинают распространяться кривичские кольца. Впрочем, судя по материалам кургана 77, ранние кривичи присутствовали здесь ещё в конце IX – первой половине X вв. Обряд захоронения и инвентарь многих погребений Мохова конца X – первой половины XI вв. аналогичны кривичским курганам Изяславля под Минском.⁴²

Моховское поселение в конце IX – первой половине X вв. функционировало в качестве одного из опорных пунктов киевского полюдья, контролировавшегося гарнизоном княжеских дружинников, союзников и наёмников, в составе которого были «северные» воины. Одной из главных задач Мохова могло быть противостояние радимичам, сохранявшим (несмотря на даннические, т.е., в известной степени, временные

отношения с Киевом) свою «племенную» автономию вплоть до Песчанской битвы 984 г. Мохов «запирал» главную водную артерию радимичей (Сож) и сам мог являться очагом киеворусской экспансии в северном и северо-восточном направлениях. С ликвидацией радимической автономии, «окняжением» и христианизацией радимических земель, возрастанием роли княжеских городов (Гомия, Речицы, Чичерска, не упомянутого в летописях Лоева) – значение Мохова падает, он начинает заустевать и в конце XI – XII вв. превращается в рядовое селение. Мохов прекращает полнокровное существование в связи с тем, что он выполнил свою историческую задачу.

ОТРП как будто занимают историко-типологическую нишу между сельскими поселениями и городами Древней Руси. Общими признаками ОТРП выступают: 1) расположение на важнейших торговых артериях; 2) значительный процент социально обособленного военизированного населения; 3) крупные размеры поселений (Ладога – около 18 га, Гнездово – около 16 га, Тимерево – не менее 10 га, Менское – не менее 30 га) и сопутствующих им могильников (Гнездово – около 6000 курганов); 4) высокий уровень развития ремесел, в т. ч. узкоспециализированных; 5) свидетельства развитой международной торговли; 6) наличие в топографической структуре многих памятников городищ (Гнездово, Шестовица, Менское и др.); 7) полиэтничный состав населения (с присутствием в разных соотношениях славянского, балтского, финского, скандинавского и др. элементов); 8) общая хронология (возникновение во второй половине VIII – IX вв. и полнокровное функционирование в X – начале (первой половине) XI вв., постепенное затухание активной жизни на протяжении XI в. Проблематичной выглядит интерпретация социально-экономической и политической сущности ОТРП. Можно попытаться выделить те функции этой категории населённых пунктов, которые убедительно документированы: 1) военную; 2) торговую; 3) ремесленную; 4) аграрную; 5) с оговорками на скудость материала – фискально-административную. Эти моменты решительно отмежевывают ОТРП от сельских поселений и тесно сближают их с городами. Наличие аграрной функции не должно смущать – даже крупные города Руси носили «полуаграрный» характер.⁴³ И.В. Дубов квалифицировал аналогичные поселения Верхнего Поволжья (Тимерево и пр.) как «протогородские».⁴⁴ В.Я. Петрухин и Т.А. Пушкина трактуют такие памятники в качестве опорных пунктов великокняжеской власти.⁴⁵ С последним мнением согласны (хотя бы отчасти) В.Н. Коваленко, А.П. Моця и Ю.Н. Сытый, которые рассматривают Шестовицкий комплекс в качестве военного лагеря киевских князей.⁴⁶ П.П. Толочко

пришел к выводу, что исследователи ОТРП усматривают в них «полный набор признаков раннефеодального города», хотя данного рода поселения не являются «стадией в жизни восточнославянского города», а только «одним из путей его образования». Оценка представляется справедливой. Исследователь заключил, что данный путь – «тупиковый», поскольку он «был обусловлен преимущественно факторами внешнего социально-экономического развития».⁴⁷

Ученые, затрагивавшие вопросы истории ОТРП, связывают эту категорию поселений с городами. Но назвать Гнездово, Шестовицу или Тимерево – социально-обособленную категорию поселений «городами» – почти никто не решился. И главная тому причина – раннее угасание жизни на большинстве из них (XI в.). В письменных источниках не встречаются (кроме, может быть, Ладоги, Менска и некоторых иных) упоминания об этих пунктах. Это выглядит достаточно странным: молчанием летописцев обойдены как раз самые крупные поселения, которые имеют признаки урбанизации. А ведь именно эти центры должны были сыграть определяющую роль в становлении государства. В летописях есть Смоленск, но нет Гнездова, есть Чернигов, но нет Шестовицы, есть Ярославль, но нет Тимерева. В чём же дело? Следует определиться с наименованием рассматриваемой категории поселений. П. П. Толочко отметил, что название этих памятников «открытыми торгово-ремесленными поселениями» не совсем удачно отражает их историческое содержание.⁴⁸ Впрочем, в дальнейшем изложении сохраню это наименование, отдавая дань традиции. Сомнение вызывает правильность определения ОТРП в качестве «открытых». В Гнездове сохранились два городища, в Шестовице тоже два (правда, одно существовало позднее времени расцвета поселения), на Тимеревском «селище» обнаружены следы укреплений, Менское поселение стало известным благодаря городищу. В Ладоге топография памятника подчёркивает укреплённый характер части первоначального поселения. Примеров достаточно, чтобы усомниться в «открытом» характере ОТРП. И определение поселений в качестве «торгово-ремесленных» не представляется достаточным. Значение торговли и ремесла в жизни ОТРП несомненно. Но если вспомнить о количестве находок сельскохозяйственных орудий, то следует признать и значительный удельный вес аграрных занятий их жителей.⁴⁹ Определять данную категорию поселений только в качестве «торгово-ремесленных» нельзя. И нельзя эти функции ставить на первый план, поскольку подсчётов соотношения торгового, ремесленного, аграрного и прочих элементов в экономике и социальном составе населения ОТРП нет.

Не только экономические параметры деятельности определяли сущность ОТРП. В распространённом определении ОТРП не отражена функция политико-административная. Почти все исследователи отмечают высокий процент среди жителей ОТРП военизированного населения. Думается, что именно этот фактор во многом и представляет историческое «лицо» рассматриваемых памятников. Действительно, в этих поселениях воинский компонент представлен повсеместно. Анализ историко-археологического материала позволяет именовать рассматриваемые поселения «военизированными многофункциональными» (ВМФП). При всех недостатках определения предложенное будет точнее соответствовать историческому содержанию данной категории памятников.

Остаётся открытым и остро дискуссионным вопрос о топографическом и хронологическом соотношении ОТРП с «настоящими» городами. На расстоянии примерно 7–20 км (исключения есть, но они подтверждают правило) от рассматриваемых памятников обычно находятся остатки городов. Бинарное их расположение активно обсуждается: Гнездово – Смоленск, Тимерево – Ярославль, Сарский городок – Ростов, Шестовица – Чернигов, Левенка – Стародуб, Менское поселение – Минск на Свислочи и пр. Отсутствие в Смоленске отложений X в. способствовало развитию гипотезы о «переносе городов». О «переносе» Минска говорят Г. В. Штыхов.⁵⁰ Действительно, выраженных отложений X в. ни в Смоленске, ни в Минске на Свислочи не нашли. Однако это не означает, что ранних слоёв здесь не было. Раскопки велись не во всех частях зон данных городов, строительными работами срезаны гектары средневековых наслоений. Впрочем, по некоторым данным, «не-гнездовский» Смоленск в X в. действительно существовал и мог развиваться параллельно с Гнездовом.⁵¹ В большинстве случаев бинарного расположения собственно города и ОТРП мы видим их синхронное (хотя бы на определённом отрезке времени) существование (с постепенным возвышением первого и угасанием второго). После исследований Н. Н. Воронина и А. Е. Леонтьева бесспорным представляется параллельная жизнь Ростова и Сарского городка.⁵² В целом аналогична история летописного Листвеца и поселения Лесковое на Черниговщине. Чем более тщательно исследованы «бинарные» памятники, тем больше оснований говорить об их одновременном существовании. Внимания заслуживают материалы масштабного исследования Шестовицы: параллельное развитие Шестовицы и Чернигова представляется установленным фактом.⁵³

Ученые давно обратили внимание на типологическое родство ОТРП Древней Руси и приморских «вигов» Балтийского региона.⁵⁴ П. П. То-

дочко, изучивший европейскую историографию, пишет о сосуществовании немецких «вигов» Хайтхабу и города Шлезвига, шведских Бирки и города Адельзо. Он приходит к выводу о том, что парное существование этих и подобных им центров в доказательстве не нуждается.⁵⁵ Так в чём же причина параллельного существования ОТРП и городов? И почему практически все ОТРП угасают в XI в.? Ответ на первый вопрос сводится обычно к тому, что ОТРП выполняли преимущественно торговоремесленные функции, а города – административно-политические. Это так и есть (на стадии их сосуществования). Остаётся непонятным, почему эти средоточия ремесла и торговли были в X–XI вв. территориально отнесены от городов (на несколько часов пешего хода) и почему княжеской и иной феодальной власти в последующие столетия, в XII–XIII вв. (когда ОТРП прекратили существование) никак не мешало размещение в городах металлургов, кузнецов, прочих ремесленников и купцов. Видимо, дело не в мастерах и торговцах. Исследователи обнаруживают в составе населения ОТРП наличие «военного, дружинного» (по нашей терминологии – «военизированного») элемента, но лидирующая военная функция рассматриваемой категории поселений обычно «тонет» на фоне ремесленной и торговой. И напрасно, поскольку процент воинских захоронений в могильниках, связанных с ОТРП, более чем высок. Многие (если не все) военизированные многофункциональные поселения Древней Руси IX–XI вв. являлись не чем иным, как топографически обособленными частями древнерусских городов – своеобразными поселениями-спутниками. Они объективно выполняли, дополняли, отчасти дублировали значительную часть спектра «городских» функций. Они были отдельными поселениями, но лишь в географическом измерении. Превалирующее военное, военнопольцейское направление жизнедеятельности во многом определило их «выносной» (за пределы «основной» части города) характер размещения. И здесь может скрываться часть разгадки этой, на первый взгляд, парадоксальной ситуации – парного существования городов и их военизированных спутников.

Воинские контингенты киевских князей во второй половине IX – X вв. (а потом, ближе к концу X в., – и их вассалов) были предназначены для решения внешнеполитических проблем (походы на Византию, Волжскую Булгарию, Хазарию, Польшу). Иная, не менее важная, их задача – «собираение» местных земель с ликвидацией власти «племенной» аристократии. В условиях становления государства киевские князья объективно не могли создать «общенациональную» армию и пошли по пути формирования армии наёмников и союзников (при наличии у князей относительно

небольших профессиональных дружин). Летописец, повествуя о событиях IX–X вв., не раз подчёркивает «полнэтнический» состав войск великих князей. Олег, направляясь в 882 г. на завоевание славянских земель самого Киева, собрал армию из варягов, чуди, словен, кривичей. В 907 г., угрожая Византии, он ведёт на неё войско из варягов, словен, чуди, кривичей, радимичей, мери, древлян, полян, северян, вятичей, хорватов, дулебов и тиверцев.⁵⁶ Но в летописных статьях, посвящённых событиям второй половины XI – XIII вв., на этническую принадлежность великокняжеских и княжеских ратников особенного внимания не обращается. Войско указанного периода формировалось не по этническому признаку. Летописи содержат сообщения о подразделениях, состоявших из торков, чёрных клобуков. Но здесь речь идёт об особых формированиях федератов Руси, а не о её «регулярной» армии. Последнее обстоятельство не меняет общей картины. Данные наблюдения указывают на временный и, в значительной степени, наёмный характер военизированных формирований великих князей в X – начале XI вв. Примеров найма иностранных воинов предостаточно. Такие сообщения имеются и в сагах, и в летописях.⁵⁷

Летопись указывает на проблемы, возникавшие при квартировании наёмников в городах. Красноречивым выглядит рассказ о конфликте Владимира Святославича с варягами, который имел место в Киеве около 980 г. Тогда выходцы с севера затребовали более высокую плату за наёмничий труд (по 2 гривны от жителя), объявив столицу Руси захваченной. Не без труда Владимир сумел отказать им и справиться с жадными устремлениями пришельцев. Некоторым их «мужам добрым, смысленым и храбрым» он раздал некие «грады» (не был ли среди них Мохов?) во временно-управление. Основная же масса наёмников, учитывая их желание стать высокооплачиваемыми гвардейцами, была направлена ко двору византийского императора. При этом Владимир, не желая портить отношения с Византией, отправил ему предупреждение: «Се идут к тебе варязи, немози их держати в граде, оми то створяти зго, яко и сде, но расточи разню, а семо не единого».⁵⁸ Иными словами, Владимир не раз сталкивался с бесчинствами наёмников, размещённых в городах, поэтому эту стихию он рекомендует рассредоточить и не допустить её единения. В 1015 г. жители Новгорода Великого восстали против произвола варягов-наёмников Ярослава Владимировича и их перебили.⁵⁹ Таких конфликтов, вероятно, было гораздо больше тех эпизодов, которые отразились в летописи. Князья должны были держать наёмников вне городских стен и отдельных поселениях-спутниках.

Большая часть ОТРП исчезает к середине XI в. Это было связано с изменением направлений международных торговых путей и деятельностью великокняжеской власти по созданию городов.⁶⁰ Но были и другие факторы, которые способствовали затуханию жизни ОТРП. В конце IX – первой половине XI вв. идёт процесс «огосударствления» бывших «племенных» территорий. Главным инструментом этой политики были ОТРП. В XI в. они выполнили свои задачи и постепенно сошли с исторической сцены. Во второй половине (конце) XI – начале XII вв. по всей Руси появляется масса феодальных замков, которые свидетельствуют о процессе оседания военно-дружинного сословия на землю. Экономические возможности окрепшего государства, далеко зашедший процесс феодализации крестьянства позволил правителям перейти от практики «одаривания» дружины деньгами, «оружием и портами» («вассалитет без ленов») к практике раздачи в держание или собственность земельных угодий. Энергия беспокойной разноплеменной массы воинов была направлена в русло обустройства феодальных хозяйств, эксплуатация которых по сравнению с военными походами, результат которых был непредсказуем, приносила их владельцам устойчивый доход и обеспечивала содержание постоянно разраставшегося окружения. Вопрос о времени начала оседания на землю дружинников остаётся открытым, но общая его хронология ясна. Процесс был продолжительным, но применительно ко второй половине XI в. он выступает свершившимся фактом. Полагаю, что именно развитие феодальных отношений на Руси и оказалось главным «могильщиком» ОТРП. Впрочем, именно этот процесс и порождал эти поселения в своё время. Расцвет Ладоги, Смоленска (т.е. и Гнездова), упомянутых на первых страницах летописи, приходится на IX–X вв., «звёздный час» Шестовицы – X в., «взлёт» Мохова – вторая половина X – первая половина XI вв. Не отражают ли объективно эти даты, построенные на материалах археологии, историческую реальность поэтапной феодализации, огосударствления различных регионов Руси? В этой связи историю Мохова правомерно рассматривать на фоне событий окончательного присоединения к Киеву радимичей и создания на землях дреговичей Туровского стола.

Было ли Моховское поселение чем-то исключительным на землях Гомельского Поднепровья? Следует заметить, что таких масштабных по размерам «сложносоставных» памятников X–XI вв. в регионе не зафиксировано. Однако их поиск следует продолжить, особенно близ летописных городов.

Итак, в период становления Руси как феодального государства князья инициируют создание поселений, которые в литературе получили наиме-

- Баран (отв. ред.) [и др.]. – Киев: Наукова думка, 1984. – С. 9-12, рис. 1
- ¹² Богомольников, В.В. Ук. соч. – С. 99
- ¹³ Седов, В.В. Ук. соч. – Карта 15
- ¹⁴ Богомольников, В.В. Ук. соч. – С. 148
- ¹⁵ Штыхаў, Г.В. Крывічы: На матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Г. В. Штыхаў; пад рэд. М. А. Ткачова. – Мінск: Пазнаўка і тэхніка, 1992. – С. 213, мал. 24:1; Енуков, В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам) / В. В. Енуков; под ред. А.Д. Прякина. – М., 1990. – С. 58; Ениосова, Н.В. Украйнення культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнездове / Н.В. Ениосова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Мат-лы научн. семинара за 2000 год. – Псков, 2001. – С. 207-219
- ¹⁶ Ениосова Н.В. Ук. соч. – С. 214-215; рис. 2:4-8
- ¹⁷ Штыхаў, Г.В. Там сама. – С. 46, 139-141; мал. 30; 75
- ¹⁸ Зверуго, Я.Г. Верхнее Пономанье в IX – XIII вв. / Я.Г. Зверуго; под ред. П.Ф. Лысенко. – Минск: Наука и техника, 1989. – Рис. 20; 6, 7, 8
- ¹⁹ Штыхов, Г. В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) / Г.В. Штыхов; под ред. В.П. Даркевича. – Минск: Наука и техника, 1978. – С. 70; рис. 28: 2
- Левко, О. Н. Новейшая историография и место памятников Белорусского Поднепровья и Подвинья в проблеме ранних славян Восточной Европы / О. Н. Левко // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья / Материалы по археологии Беларуси. Научн. изд. / ИИ НАН Беларуси – Минск, 2003. – Вып. 8. – Рис. 7; 17, 18
- ²⁰ Ениосова Н.В. Ук. соч. – С. 207-219, рис. 2
- ²¹ Горюнова, В.М. Поселок ремесленников на Ловати / В.М. Горюнова // Проблемы археологии. – Л., 1978. – Вып. 2. – С. 144
- ²² Посов, Е.Н. Новгородское (Рюриково) Городище / Е.Н. Носов; редкол. А.Н. Кирпичников (отв. ред.) [и др.]. – Л.: Наука, 1990. – С. 78, рис. 32: 1; Мугуревич, Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X – XIII вв. / Э.С. Мугуревич. – Рига: Зинатне, 1965. – С. 88; Шмидт, Е. Особенности этнокультурного развития племен Смоленского Поднепровья и смежных территорий в VIII – X веках н. э. / Е. Шмидт // Гістарычна-археалагічны зборнік. Навук. выд. / ІГ НАН Беларусі. – Мінск, 2006. – Вып. 22. – С. 114, рис. 1: 27
- ²³ Седов, В.В. Латышские племена / В.В. Седов // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – С. 361
- ²⁴ Богомольников, В.В. Ук. соч. – С. 82
- ²⁵ Авдусин, Д.А. Скандинавские погребения в Гнездове / Д.А. Авдусин // Вестник МГУ. Сер. история. – 1974. – № 1. – С. 77; Дучыц Л.У. Курганный могильник каля в. Укля Браслаўскага раёна / Л.У. Дучыц // Гістарычна-археалагічны зборнік. Навук. выд. / ІГ НАН Беларусі. – Мінск, 1996. – Вып. 8. – С. 113-114
- ²⁶ Дучыц, Л. У. Аб адной катэгорыі курганных знаходак / Л.У. Дучыц // Гістарычна-археалагічны зборнік. Навук. выд. / ІГ НАН Беларусі. – Мінск, 1994. – Вып. 4. – С. 53
- ²⁷ Івакін, Г. Нові поховання X – XI ст. Верхнього Києва (з розкопок архітектурно-археологічної експедиції 1997 – 1999 рр.) / Г. Івакін, В. Козюба // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII – XI ст.: матеріали Міжнародн. польового археол. семінару, Чернігів – Шестовиця, 17-20 липня 2003 р. / Ін-т археології НАН України та ін.; редкол.: П.П. Толочко (головн. ред.) [та ін.]. – Чернігів: Сіверянська думка, 2003. – С. 38-50, рис. 1: 5; Боровский, Я.Е. Археологические исследования Верхнего Киева в 1978 – 1982 гг. / Я.Е. Боровский, М.А. Сагайдак // Археологические исследования Киева 1978 – 1983 гг. / Ин-т археологии АН УССР; под ред. П.П. Толочко. – Киев: Наукова думка, 1985. – С. 38-60
- ²⁸ Корзухина, Г.Ф. Русские клады IX – XIII вв. / Г.Ф. Корзухина. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 130, 141, 144, 146, 147
- ²⁹ Krasnodebski, D. Mediaval Borderland Inhabitants / D. Krasnodebski // Pipeline of Archaeological Treasures. – Poznan, 2000. – S. 99-113; Zak, J. Kulturelemente aus dem Mitteldonauegebiet in der materiellen Kultur der Oder- und Weichselslawen in der Zeit vom VI. Jh. bis zum Jahrhundertwende X/XI / J. Zak // Тр. V Междунар. конгр. археологов-славистов, Киев, 18 – 25 сентября 1985 г.: в 4 т.; редкол.: Б.А. Рыбаков (гл. ред.) [и др.]. – Киев: Наукова думка, 1988. – Т. 4. – Abb.12:6
- ³⁰ Рябцевич, В.Н. Монеты из Моховского некрополя / В.Н. Рябцевич // XIII Всероссийская нумизматическая конф., Москва, 14 – 15 апреля 2005 г. – М., 2005. – С. 93-94; Равдина, Т.В. Погребения с дрепнерусскими серебряниками / Т.В. Равдина // СА. – 1979. – № 3. – С. 91-102; Равдина, Т.В. Погребения X – XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог / Т.В. Равдина; под ред. М.В. Седовой. – М.: Наука, 1988. – С. 37, № 40; Рябцевич, В.Н. Нумизматика Беларуси / В.Н. Рябцевич. – Минск: Полымя,

1995. – С. 121-122; Богомольников, В.В. Ук. соч. – С. 71
- ³⁷ Кирпичников, А.Н. Вооружение / А.Н. Кирпичников, А. Ф. Медведев // Древняя Русь. Город, замок, село; под ред. Б. А. Рыбакова. – М.: Наука, 1985. – С. 308-310, табл. 125: 3
- ³⁸ Колчин, Б.А. Хронология новгородских древностей / Б.А. Колчин // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. – М.: Наука, 1982. – Рис. 4; Заяц, Ю.А. Заставль в эпоху феодализма / Ю.А. Заяц; под ред. Г.В. Штыхова. – Минск: Навука і тэхніка, 1995. – С. 60, рис. 34:7
- ³⁹ Колчин, Б.А. Ук. соч. – Рис. 8
- ⁴⁰ Штыхаў, І.В. Там сама. – Мал. 46; Седова, М.В. Ювелірныя izdelia Новгорода Великого (X – XV вв.) / М.В. Седова, под ред. Б.А. Колчина. – М.: Наука, 1981. – С. 129-130, рис. 45: 24, 25; 46: 12
- ⁴¹ Повесть временных лет. – С. 100
- ⁴² Шишаков, Е.А. Ук. соч. – С. 73
- ⁴³ Шишаков, Е.А. Этапы развития и особенности государственности в Подесенье в древнерусскую эпоху / Е.А.Шишаков // Деснинские древности: сб. мат-лов Международной научн. конф., посвящ. памяти Ф. М. Заверняева. – Брянск: Брянск. обл. типогр., 2002. – Вып. II. – С. 20
- ⁴⁴ Повесть временных лет. – С. 83
- ⁴⁵ Полное собрание русских летописей / М.: Изд-во вост. лит., 1962. – Т. II. – Стб. 112
- ⁴⁶ Полное собрание русских летописей. – Т. II. – Стб. 129, 131
- ⁴⁷ Ткачоў, М. Лоеўскі замак / М. Ткачоў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Т. 4. – Мінск, 1997. – С. 390; Грыцкевіч, А. Лоеў / А. Грыцкевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск, 1997. – Т. 4. – С. 389
- ⁴⁸ Заяц, Ю.А. Ук. соч. – С. 42-53
- ⁴⁹ Толочко, П.П. Древнерусский феодальный город / П.П. Толочко; под ред. С.А. Высоцкого. – Киев: Наукова думка, 1989. – С. 79-99
- ⁵⁰ Дубов, И.В. К проблеме «крепоса» городов в Древней Руси / И.В. Дубов // Генезис и развитие феодализма в России: проблемы историографии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – С. 70-72
- ⁵¹ Петрухин, В.Я. К предистории древнерусского города / В.Я. Петрухин, Т.А. Пушкина // История СССР. – 1979. – № 4 – С. 109
- ⁵² Коваленко, В. Ук. соч. – С. 51-83
- ⁵³ Толочко, П.П. Ук. соч. – С. 59
- ⁵⁴ Там же. – С. 50-51
- ⁵⁵ Загоруйский, Э.М. Возникновение Минска / Э.М.Загоруйский. –Минск: Изд-во БГУ им. В.И.Ленина, 1982. – С.30-63; 247.Коваленко, В. Ук. соч. – С. 61
- ⁵⁶ Дубов, И.В. Ук. соч. – С. 70-72; Штыхов, Г.В. Города Полоцкой земли (IX – XIII вв.) / Г.В. Штыхов; под ред. В.П. Даркевича. – Минск: Наука и техника, 1978. – С. 63-72
- ⁵⁷ Асташова, Н.И. К вопросу о древнем Смоленске / Н.И. Асташова, В. Я.Петрухин // Культура и история средневековой Руси: тез. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР А.В. Арциховского, Москва, 24 – 26 декабря 1987 г. / Ин-т археологии АН СССР. – М., 1987. – С. 6-8
- ⁵⁸ Леонтьев, А.В. Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII – XI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / А.В. Леонтьев; ИА АН СССР. – М., 1975. – С. 22
- ⁵⁹ Коваленко В. П. Лёгонисны Ляствец (к вопросу о локализации) / В. П. Коваленко, А. В. Шекун // СА. – 1984. – № 4. – С. 71-73; Коваленко, В. Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998–2002 гг. / В. Коваленко, О. Моця, Ю. Сытый // Мат-ли Міжнародн. польового археол. семінару, Чернігів–Шестовиця, 17–20 липня 2003 р. / Ін-т археології НАН України та ін.; редкол.: П.П. Толочко (голови. ред.) [та ін.]. – Чернігів: Сіверянська думка, 2003. – С. 51-83
- ⁶⁰ Булкин, В. А. Гнездово и Бирка. – С. 11-17
- ⁶¹ Толочко, П. П. Ук. соч. – С. 54
- ⁶² Повесть временных лет. – С. 38, 44
- ⁶³ Стурлусон, С. Круг земной / С. Стурлусон. – М.: Наука, 1980. – С. 100, 110; Эймондова сага // Филист Г. М. История «преступлений» Святополка Окаянного. – Минск: Беларусь, 1990. – С. 133-134; Повесть временных лет. – С. 142, 144, 162
- ⁶⁴ Повесть временных лет. – С. 92
- ⁶⁵ Там же. – С. 54
- ⁶⁶ Толочко, П. П. Ук. соч. – С. 58-59